

ИЗЪ ПРАВОВЪ МИНУВШАГО.

Изъ-за волшебной веревочки.

29 апрѣля 1805 года, инспекторъ по инфантеріи Днѣстровской инспекціи, генераль-лейтенантъ Эссенъ, донесъ Е. И. В. великому князю Константину Павловичу, что изъ 1-го департамента Подольскаго главнаго суда представленъ ему, генералу Эсену, на ревизію, приговоръ по дѣлу, произведенному надъ „жителькою“ города Балты Настасьей Черноморцевой и крѣпостной женщиной провіантскаго штата чиновника Федорова, Матреной Ивановой, „за намѣренье ихъ къ колдовству пустыми дѣйствіями и нѣкоторыми изреченіями во вредъ Федорову, чего однако не произошло“.

По дѣлу этому, какъ доносилъ генераль Эссенъ, между прочимъ открыто, что Федоровъ крѣпостную свою женщину Иванову наказывалъ „безмилосердно“ два дня плетми, привязывая ее къ столбу, и на раны, по избитымъ мѣстамъ, сыпалъ солью, при чемъ для исполненія наказанія привлекалъ подчиненнаго ему рядового Мамырина.

Постановивъ о Черноморцевой и Ивановой оправдательный приговоръ, судъ вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ постановленія о необходимости съ чиновникомъ Федоровымъ и съ рядовымъ Мамыринымъ, исполнявшимъ приказаніе Федорова, поступить по закону.

Утвердивъ приговоръ суда о Черноморцевой и Ивановой, постановленіе суда о Федоровѣ и Мамыринѣ генераль Эссенъ представлялъ на благоусмотрѣніе великаго князя.

Министромъ военныхъ сухопутныхъ силъ Вязмитиновымъ донесеніе генерала Эссена было доложено императору Александру I.

Государь повелѣлъ—судить Федорова военнымъ судомъ.

На судѣ Матрена Иванова показала, что жилось ей у Федорова очень тяжело, такъ какъ постоянно приходилось

терпѣть отъ жены Федорова побои. Чтобы избавиться отъ побоевъ, обратилась она къ проживающей въ г. Балтѣ знахаркѣ, прозывавшейся Черноморкою, за помощью. И Черноморка дала ей такой совѣтъ: сдѣлать изъ пеньки веревочку и мочить эту веревочку по утрамъ, двѣ зори, въ непочатой водѣ, а затѣмъ той водою побрызгать во дворѣ, горницѣ и всздѣ въ домѣ ея господина, веревочку же сберечь у себя. Черноморка при этомъ увѣрила, что если все продѣлать, какъ она говоритъ, то госпожа не только бить ее, Иванову, больше не будетъ, а даже вовсе отпустить на волю.

Повѣривъ Черноморкѣ, Иванова сдѣлала все, какъ та ей совѣтывала, и спрятала веревочку у себя.

На бѣду, дня черезъ четыре, жена Федорова, роясь въ ея вещахъ, случайно нашла ту веревочку и, увидавъ на веревочкѣ узлы, стала допытываться, что это за веревочка.

Иванова не признавалась. Тогда Федорова сказала мужу.

Федоровъ позвалъ состоявшаго у него въ услуженіи вольнаго человѣка Киселева и рядового Мамырина, привязалъ Иванову къ столбу и началъ сѣчь ее плетми.

Иванова не выдержала и созналась во всѣмъ.

На слѣдующій день Федоровъ, вторично привязавъ Иванову къ столбу, приказалъ Мамырину и Киселеву опять сѣчь ее, а самъ началъ по избитымъ мѣстамъ сыпать солью.

Послѣ наказанія Иванова, вмѣстѣ съ Черноморкою, отслана была въ полицію, а оттуда, по освидѣтельствованіи черезъ штабъ-лѣкаря, отправлена въ городской лазаретъ, гдѣ и пробыла не малое время.

По выздоровленіи препровождена она была въ Балтское духовное правленіе, на церковное покаяніе, на одинъ годъ.

Балтскій повѣтовый штабъ-лѣкарь, Граль, на судѣ, подъ присягою, удостовѣрилъ, что Иванова дѣйствительно отъ чрезвычайныхъ побоевъ имъ пользована и свидѣтельствована въ Балтскомъ повѣтовомъ судѣ и при освидѣтельствованіи найдено: „назади знаки кровью покрытые, также и на переди брюха до колѣнъ и на задку приключилась было гангрена, равно и на спинѣ были знаки кровавые отъ побоевъ и мало тогда было надежды къ выздоровленію“.

Допрошенный передъ военно-судной комиссіей, въ качествѣ подсудимаго, Федоровъ показалъ, что наказывалъ онъ Иванову за то, что найдена была у нея волшебная, сдѣланная ею, небольшая веревочка, на которой навязано было 29 узловъ и о которой добровольно Иванова объяснить ни-

чего не хотѣла,—почему и вынужденъ онъ былъ наказать ее „не столь немилосердно, а по умѣренности“.

При наказаніи Иванова созналась, что веревочка та сдѣлана „на развратъ его съ женою, на великія бѣдствія и несчастія, а болѣе на наглую смерть жены его и съ намѣренъемъ, чтобъ была она, Иванова, отпущена на волю и что научила ее тому женщина, называемая Черноморкою“.

И на другой день наказывалъ онъ Иванову не жестоко, а умѣренно. Если бы наказаніе было жестокое, не могла бы она скоро выздоровѣть,—Иванова же отъ сдѣланныхъ ей побоевъ болѣла не болѣе трехъ недѣль. Привязана она къ столбу была потому, что никакъ не можно было удержать ее во время наказанія. Солью по избитымъ мѣстамъ онъ не сыпалъ, а только стращаль, имѣя въ то время въ рукѣ не соль, а песокъ, которымъ и посыпалъ возлѣ нея, когда она лежала на землѣ.

Участвовавшіе въ наказаніи Ивановой, рядовой Мамыринъ и вольный человѣкъ Киселевъ удостовѣрили, что Федоровъ билъ Иванову жестоко и по избитымъ ранамъ сыпалъ бѣлымъ истертымъ порошкомъ, подобнымъ соли, а была ли то дѣйствительно соль или что другое, того съ увѣренностью удостовѣрить они не могли.

Относительно участія своего въ наказаніи Ивановой Мамыринъ объяснилъ, что дѣлалъ это по приказанію Федорова, не смѣя не исполнить распоряженія начальника, изъ боязни подвергнуться тому же наказанію, а Киселевъ добавилъ, что за время семилѣтней его, съ женою, у Федорова службы онъ не помнитъ ни одного случая, чтобы Федоровъ кого-нибудь изъ служителей своихъ наказывалъ немилосердно.

Комиссія военнаго суда, обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла, на основаніи 10, 11 и 12 пунктовъ Уложенія, главы 22 и 53 артикула, съ толкованіемъ воинскаго устава,—приговорила Федорова, за жестокое наказаніе крѣпостной женщины Ивановой, а рядового Мамырина за исполненіе не относящагося до службы приказанія,—бить обоихъ кнутомъ.

Въ означенныхъ законахъ говорилось:

Въ 10, 11 и 12 пунктахъ Уложенія, главы 22: „А будетъ кто не бояся Бога и не опасаясь Государскія опалы и казни, учинить надъ кѣмъ-нибудь мучительское наругательство... кого-нибудь зазвавъ, или силою заволокши къ себѣ на дворъ, учнетъ бити ослопомъ, или кнутомъ, или батоги и въ судѣ сыщется то до пряма, и таковому поругателю за такое его

дѣло учинить жестокое наказаніе,—велѣть его бить кнутомъ по торгамъ и вкинуть въ тюрьму на мѣсяць. Да на немъ же доправити тому надъ кѣмъ онъ такое дѣло учинить безчестье и увѣче вдвое.

А будетъ такое наругательство надъ кѣмъ учинить чей-нибудь человѣкъ и того человѣка пытатъ—по чьему наученію онъ такое наругательство учинилъ, да будетъ тотъ человѣкъ съ пытки скажетъ, что онъ такое наругательство учинилъ по наученію того, кому онъ служилъ, или по чьему-либо наученію, и тѣмъ людямъ, кто на такое дѣло кого научить, и тому, кто такое дѣло сдѣлаетъ, потомужъ учинити жестокое наказаніе,—бити ихъ кнутомъ по торгамъ и вкинуть ихъ въ тюрьму всѣхъ на мѣсяць“.

53 артикуль воинскаго устава:

„Ежели кто изъ офицеровъ солдатамъ, подъ командою его сущимъ, что-нибудь прикажетъ, которое къ службѣ Его Величества не касается и службѣ солдатской не пристойно, тогда солдатъ не долженъ офицера въ томъ слушать и имѣть сіе въ военномъ судѣ объявить, за сіе оный офицеръ по состоянію дѣла отъ воинскаго суда накажется“.

Толкованіе: „Команда офицерская болѣе не распространяется надъ солдатами, токмо сколько Его Величества и его Государства польза требуетъ; а что къ Его Величества службѣ не касается, то и должность солдатская того не требуетъ чинить“.

Начальники, къ которымъ поступило дѣло въ порядкѣ ревизіи, принявъ во вниманіе престарѣлый возрастъ подсудимаго Федорова 53 года, продолжительную его службу—съ 1768 года, въ теченіе которой Федоровъ неоднократно бывалъ въ походахъ и сраженіяхъ, гдѣ даже былъ раненъ въ лѣвую ногу, и имѣя въ виду показаніе вольнаго человѣка Киселева, что въ продолженіе семилѣтней его, Киселева, съ женою, бытности въ услуженіи Федорова,—Федоровъ со служителями своими безчеловѣчно не обходился, полагали:

Шефъ 10 Егерскаго полка, генераль-маіоръ Марковъ 2-й—разжаловать Федорова въ рядовые, впредь до выслуги; Мамырина же—прогнать сквозь строй черезъ 500 человѣкъ три раза.

Генераль-лейтенантъ Эссенъ—разжаловать Федорова однимъ чиномъ; Мамырина оставить на свободѣ, вмѣнивъ ему нахожденіе подъ судомъ и подъ стражею въ наказаніе.

Великій Князь Константинъ Павловичъ:—разжаловать Федорова въ рядовые на полгода, а потомъ, возвратя ему чины,

опредѣлить по-прежнему на службу. Мамырина, въ виду его невѣжества и въ уваженіе прежней немаловременной его службы, наказать палками.

Генераль-Аудиторіатъ, служившій въ то время высшей ревизіонной инстанціей для дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ военныхъ судахъ, нашель причины, побудившія Федорова къ жестокому наказанію крѣпостной его женщины Ивановой, неосновательными и такими, „кои ни мало не могли служить ему въ оправданіе, но явно означали, при всей его старости, еще невѣжество и суевѣріе, ибо дѣйствіе отъ такого колдовства, какое та женщина сдѣлала, по здравому понятію, не могло нанести ему вреда, а боевые знаки, по свидѣтельству штабъ-лекаря на тѣлѣ той женщины означали его, Федорова, жестокость, къ чему употребилъ онъ и подчиненнаго своего, который, боясь самъ наказанія за ослушаніе, исполнялъ его волю“.

За все это Генераль-Аудиторіатъ полагаль справедливымъ—разжаловать Федорова въ рядовые на полгода и потомъ, дабы не оставался онъ при старости безъ пропитанія, воротя чины, опредѣлить на инвалидное нижняго класса содержаніе, обязавъ при томъ подпискою, чтобы онъ впредь и за проступки не только сію женщину, но буде и другія у него есть или будутъ въ услугахъ, самъ собою не наказываль, а соотвѣтственно винѣ, представляль бы куда слѣдуетъ въ Правительство.

На всеподданнѣйшемъ по этому дѣлу докладѣ Генераль-Аудиторіата императоръ Александръ I, 10 января 1807 года, собственноручно написалъ: „разжаловать въ рядовые“.

Того—какое въ концѣ концовъ наказаніе понесъ рядовой Мамыринъ, за исполненіе незаконно даннаго ему Федоровымъ приказанія,—изъ дѣла не видно.

Сообщилъ **Л. Созоновъ.**